

Чернова Г.С. (Могилев)

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОГО НАРОДОЗНАНИЯ. Я.ЧЕЧЕТ - ФОЛЬКЛОРИСТ.

Ян Чечет (1796-1847) жил в эпоху, когда в общественную жизнь втягивались широкие народные массы, а выдающиеся европейские умы размышляли о возможности преодоления социальной несправедливости и торжестве гуманности и милосердия. Подъем национального самосознания, который в первые десятилетия XIX в. испытывали все европейские народы, обусловил интерес к собственной истории и культуре как выражению «живых национальных сил» (В.И. Гете). Поэтому вполне закономерным оказался интерес к жизни и искусству тех, кого было принято называть «простыми людьми».

В многочисленных исследованиях Л. Малаша, А. Мальдиса, Г. Кохановского, К. Цвирко, О. Лойки творчество Чечета, писателя и фольклориста, анализируется в контексте общественного и литературного движения первой четверти XIX в. и определяется его значение в развитии белорусского романтизма.

Однако связь собирательской деятельности Чечета с современным ему европейским и российским народознанием оказывается недостаточно изученной. Анализ этой проблемы позволит более полно оценить его вклад в становление и развитие как белорусской фольклористики, так и белорусской литературы.

«Деревенские песни», которые составили шесть сборников, изданных Чечетом с 1837 по 1846 гг., высоко оценил известный русский филолог, глава культурно-исторической литературоведческой школы А.Н. Пыпин. Он с уважением писал о Чечете, который «знал белорусский язык и народ с детства и, восприняв в своей школе народный романтизм и человеческое отношение к народу, применял это давнее отношение» [1, с.81].

Говоря о школе, Пыпин имел в виду не новогрудскую гимназию, где учился Чечет и где он познакомился с А. Мицкевичем, ставшим ему близким другом. Настоящей школой для молодых людей был Виленский университет, где Чечет учился на отделении «моральных и политических наук». Однако в 1818 г., из-за невозможности оплачивать обучение, он вынужден был оставить университет и начать работу в Виленском архиве.

Тем не менее, связь с *alma mater* не была прервана. Еще в 1817 г. Чечет вступил в общество *филоматов* (любителей знаний). Среди двенадцати его членов, кроме Чечета, были Ф.Зан, О. Ежовский, Ф. Магилевский, А. Мицкевич и др. «Патриотизм, гуманизм и просвещение были основной мыслью этого кружка», - отмечал Пыпин [1, с. 68]. На своих собраниях они изучали и обсуждали труды французских просветителей К.А. Гельвеция, Вольтера, Д. Дидро. Особый интерес филоматов вызывали учение об общественном договоре и теория естественного права Ж.-Ж. Руссо. Именно под влиянием идей «женевского философа» члены этого кружка всерьез задумались о необходимости отмены крепостного права.

Из немецких мыслителей филоматы выделяли И. Канта и Г. И. Гердера. Вне всякого сомнения, они читали получивший европейскую известность труд «Идеи к философии истории человечества» [2]. Филоматов привлекало учение Гердера о национальном характере, который он обуславливал государственным устройством, религией, традициями и языком того или иного народа. В умах и сердцах патриотически настроенных молодых людей находили отклик мысли немецкого философа о том, что каждая нация имеет свою историю, свою культуру, свою судьбу. Следует отметить, что в будущем, став собирателем народной поэзии, Чечет всегда ориентировался на эти теоретические установки.

Чечет и его единомышленники ставили перед собой национально-просветительские цели. Они мечтали учительствовать, делиться своими знаниями с народом и тем самым приносить пользу отечеству. Особое внимание филоматы уделяли гуманитарным наукам и, прежде всего, философии. Интересно, что примерно в те же годы члены Петербургского общества Любомудрия, а несколько позже студенты Московского университета также «искали в философии чего угодно, кроме чистого разума» (И.С. Тургенев). «Русские искали в западной мысли, прежде всего, сил для изменения и преобразования собственной неприглядной жизни» [3, с.91].

Это замечание Н.А. Бердяева в полной мере относится и к полякам. Увлечение философией образованными юношами и Петербурга, и Москвы, и Вильно было своего рода диссидентством, реакцией на несвободу, выражением стремлений к свободе политической и духовной.

Филоматы избегали отвлеченных рассуждений о назначении науки и литературы. Они ставили перед ними вполне конкретную задачу: «услышать слово народа о его потребностях». В 1850 г. в книге «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцен пи-

сал: « У народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с которой он заставляет услышать крик своего возмущения и совести» [4, с. 429]. Автор этих строк не был знаком с эстетической программой филоматов. Но интересен сам факт совпадения с нею мысли Герцена о задачах литературы, существующей в условиях социального и национального угнетения.

С первых шагов по сбору и изучению произведений народного творчества филоматы намеревались «сохранять полезные отцов своих обычаи, любить природный язык и оному обучаться, иметь в памяти доблести и подвиги предков, подражать им по мере сил своих и состояния». Под этими декларациями, естественно, подписывался и Чечет.

Следует заметить, что героизация национальной истории была в ту пору свойственна деятелям культуры как в Польше, так и в России. Литераторы-декабристы, например, тоже искали и находили в прошедшем своего народа примеры твердости духа, презрение к опасности и смерти, непримиримость к чужому игу. В этой связи можно вспомнить «Исторические песни» польского писателя Ю.У. Немцевича, «Думы» К.Ф. Рылеева, стихотворения В.К. Кюхельбекера, поэмы А. Мицкевича.

В 1823 г. общество филоматов было распущено, а его члены арестованы. Очевидно, власти отождествили филоматов с филоретами, которые призывали «восстановить Польшу в прежнем ее блеске». Одиннадцать филоматов, в числе которых были Чечет и Мицкевич, «за распространение безрассудного польского национализма посредством науки» были высланы во внутренние губернии России. Отбыв ссылку сначала в Оренбурге, затем в Уфе, Чечет вернулся на родину. С середины 1830-х гг. он вновь стал собирать и записывать народные песни, сказания, пословицы.

В своей этнографической деятельности Чечет оставался верным гуманистическим идеалам юности. Он с большим сочувствием относился к крестьянам и призывал *панов* «улучшать участь» своих крепостных. В Предисловии к первому сборнику Чечет писал: «Крестьяне наш народ добрый, смиренный, трудолюбивый, почтенный, должны возбуждать в нас самые доброжелательные к ним чувства <...>. Мы многому научимся из познания их состояния и быта; найдем у них предания, сказки, повести, и чрезвычайно обильна будет жатва песен, дающих узнать их трогательные, прекрасные, даже тонкие и глубокие чувства <...>. Какое сокровище для ученого певца и наблюдателя! Сколько там невынужденной и свежей поэзии! Будем слушать охотно их песни свадебные, дожинковые, купальские и другие, и мы не раз приятно проведем время

и, что важнее, приобретем большую привязанность к нашим добрым земледельцам» [Цит. по: 1, с.71].

Близко общаясь с крестьянами и сочувствуя их тяжелой доле, Чечет, однако, не мог не видеть отрицательных сторон жизни простых людей. В народном творчестве, признавал он, «отразился не только их милый и прекрасный образ». Постоянной темой дожинковых и купаловских песен остается пьянство. «Водка есть гибель наших поселян <...>. Сердце болит, видя как многочисленнейший и трудолюбивейший класс населения часто приходит в такую нужду, к какой скорее всего приводит пьянство», - с горечью писал Чечет в Предисловии к третьему сборнику «Деревенских песен» [Цит. по: 1, с.68]. В публикуемых текстах он даже заменял слово «водка» словами «мед» и «пиво».

Верный своим юношеским просветительским убеждениям Чечет надеялся, что его труд поможет изменить к лучшему нравы крестьян и будет способствовать «возбуждению христианской любви к ним в каждой благородной душе».

Одним из первых Чечет стал писать о белорусах как об отдельной (самостоятельной) нации, имеющей, прежде всего, свой язык. Однако песни и пословицы народа, жившего по берегам Двины, Днепра и Днестра, представленные в первых трех сборниках, были переведены собирателем на польский. Только с четвертого сборника его читатели получили некоторую возможность «услышать» опубликованные произведения на языке оригинала, т.е. на белорусском, или, как в то время было принято называть, на «славяно-кривицком». Однако эти записи были сделаны латинским шрифтом, латиницей, что не могло в достаточной степени передать звучание песен на белорусском языке.

Чечет понимал, что деятельность этнографа требует подготовки и овладения соответствующими методиками сбора и обработки фольклорных произведений. Поэтому, обращаясь к начинающим фольклористам, он советовал им не только быть наблюдателями, но и участниками народных обрядов: «Без этого нельзя ни сохранить должного порядка в их последовательности, ни знать обрядов, как нельзя вместе с тем, узнать, какие песни остались от давних времен и какие песни появляются вновь, так как и в настоящее время могут быть там-сям певцы и певицы, создающие новые песни по собственному вдохновению», - писал он в Предисловии к четвертому сборнику [Цит. по: 1, с.74].

Конечно, фольклориста интересуют, прежде всего, «первоначальные песни наших предков». Но собирательская практика убедила Чечета, что народная поэзия – это развивающийся организм.

Поэтому он советовал этнографам учитывать исторические, политические, социальные обстоятельства, подойдя, таким образом, вплотную к важному выводу об объективной обусловленности народной поэзии. «<...> С ходом цивилизации или даже с переменной местных (политических) отношений и он («деревенский люд» - Чечет) должен измениться и не может сохранить в чистоте образ жизни, проходящий в этой юдоли», - писал Чечет в Предисловии к шестому сборнику «Деревенских песен» [Цит. по: 1, с.80].

Для народознания, и не только белорусского, имела важное значение еще одна мысль Чечета: «Ни один народ не существует изолированно: и его жизнь, и его культура так или иначе связана с жизнью и культурой других, и, прежде всего, сопредельных народов. Доказательством тому служит, прежде всего, язык, на котором говорят белорусы. На него не могло не оказать влияние украинское и польское соседство». Но описывая подробно особенности звуков и форм «кривицкого наречия», Чечет делает заключение, что оно и в строе, и в стихосложении ближе всего оказывается к русскому языку и к русской народной поэзии.

Публикуя в шестом сборнике «Деревенских песен» почти две-сти белорусских пословиц, Чечет сожалел, что у него не было возможности сравнить их с пословицами других славянских народов, что позволило бы доказать общность их исторической судьбы и языковую близость. «Все это остается кому-нибудь более деятельному и счастливому, о котором, дай Бог, чтобы мне удалось услышать», - писал Чечет, обращаясь к своим последователям [Цит. по: 1, с.79].

Тем не менее, и он, и его помощники продолжали записывать произведения белорусского фольклора латиницей, что затрудняло их чтение и воспроизведение. Очевидно, это стало одной из причин, почему песенный белорусский язык представлялся Чечету «убогим» (uboga).

Нельзя не учитывать и тот факт, что в XIX в. белорусский считался языком простонародья, на котором невозможно выразить отвлеченные понятия. «Эта речь скупая и неотесанная, бедная словами и всеми выражениями умственных понятий, но все-таки она, как и всякая другая, должна иметь свои особенности и оригинальность», - писал Чечет [Цит. по: 1, с.76]. Но, человек образованный, имевший в молодости доступ к архивным материалам, он не мог не знать, что еще в конце XVI в. белорусский был государственным языком на территории Великого Княжества Литовского. На нем говорили представители образованных сословий, составлялись политические акты и документы. Поэтому Чечет ставит вопрос о серьез-

ном историко-грамматическом исследовании «кривицкого наречия» и создании грамматики и словарей для обучения народа родному языку.

В 1840-х гг. в критике и литературной науке продолжались начавшиеся в XVIII в. споры о содержании категории «народность». В дискуссиях, которые велись на страницах московских и петербургских журналов, Чечет, конечно, не участвовал, но свое мнение имел. Он связывал это понятие с народной этикой, т.е. с представлениями простых людей о добре и зле, которые нашли отражение в незамысловатых, на первый взгляд, фольклорных произведениях. «Не могу без какой-то милой тревоги вспомнить забытые сказки, которые я слышал и знал в мои детские годы. В них часто заключена прекрасная нравственная мысль (курсив мой – М.Ч.)». Именно поэтому Чечет считал собирание сказок «полезным для отечественной литературы трудом». Ориентир читателя на «мнение народное» – вот та польза, которую фольклор приносит художественной словесности. По сути, он мог присоединиться к лозунгу «литература есть глас народа», провозглашенному русским критиком-философом Н.И. Надеждиным. Справедливый упрек Надеждину в том, что он сводил «народность» к «простонародности» можно было бы отнести и к Чечету. И тот, и другой, занимаясь этнографическими изысканиями, независимо друг от друга, пришли к одному мнению: национальные элиты утратили связь с народом, с его традициями и забыли родной язык [5].

Литература.

1. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Белоруссия и Сибирь. - Мн : БелЭн, 2005. – 256 с.
2. Гердер, Г.И. Идеи к философии истории человечества. (Памятники исторической мысли) / Г.И. Гердер – М. : Наука, 1997. – 705 с.
3. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев – Вопросы философии - №1 – 1990. С.77-144.
4. Герцен, А.И. О развитии революционных идей в России / А.И.Герцен - Собр.соч. в 8 т. Т.3.- М.: Художественная литература, 1990. С.357-480.
5. Надеждин, Н.И. Литературная критика. Эстетика / Н.И. Надеждин – М. : Художественная литература, 1972. – 479 с.

Сведения об авторе.

Чернова Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент. Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, кафедра русской и зарубежной литературы Могилев, Беларусь.